

## МИР РУШИЛСЯ

Из дневника А.В. Адрианова. 1919 год.

### 18 ДЕКАБРЯ.

В городе с утра вдруг стало тихо, улицы опустели, военных не видно, езда почти прекратилась. У дома Кирилова на углу Дворянской и Монастырского пер. вдоль тротуара стоят в беспорядке частью поломанные несколько штук розвальней и саней без отводов и одна городская кошевка, а обширный двор также занят, почти сплошь, санями, но ни одной лошади около них не было. От этого дома через улицу к крыльцу женской гимназии, где квартировал штаб какого-то полка, шла полоса раструженного сена. Накануне, м.б., ночью, шла здесь срочная работа, а теперь все замерло и опустело, все уехали, побросав то, что стало ненужным.

И так на всем протяжении пути от Ярлыковской церкви до 1 уч. милиции на ул.Белинского, отсюда до губернаторского дома и от него до Ямского переуллка было тихо, пусто. Я хотел зайти в участок для получения удостоверения, что я нигде на службе в правит, учреждениях не состою с марта н.г. (что нужно было Казначейству), но от двух лиц караульной команды, стоявших с винтовками у входа, я узнал, что в помещении нет никого, кто бы мог выдать мне какую-либо справку, что вся милиция эвакуировалась из города накануне.

За тем же удостоверением я зашел в губернаторский дом, но и здесь было в 10 ч. утра пусто. От единственного чиновника я узнал, что управляющий губернией накануне выбыл, что и его помощники выехали, что денег не было получено для выдачи эвакуационных, потому организовать выезд 1833 подведомств. лиц не было возможности. Пока шел этот разговор, явился «бухгалтер» и за ним десятка два мелких служащих. Но он мог только сказать, что управл. губ. уехал, что денег нет, что такие-то убежали на лошадях, что он пойдет к управл. казен. палатой, по закону замещающему губернатора, узнает о положении дел, причем условлено было, что на завтра все соберутся и выслушают его доклад и что вообще все будут ходить на службу, не саботируя.

В редакции «Сиб. Жизни» я застал до крайности нервничавшего секретаря редакции И.А. Иванова, истерически выкрикивавшего, что ни о каком выпуске номера не может быть разговоров, что материала нет, нет сведений оперативных, нет никаких газет, что наш корректор и репортер П.А. Рыбкин ушел и что он, Иванов, тоже уйдет, что правление, вчера постановившее продолжать выпуск газет, пусть само это сделает. И.А. Иванов эту ночь не ночевал дома и где-то скрывался, опасаясь всего самого худшего для себя. Он старался уверить меня, что никто из рабочих не станет работать ночью и что составлять и выпускать номер он тоже не пойдет. Я пошел тогда в наборную узнать настроение рабочих. Наборщики потребовали от меня материала, так как набирать им было нечего, и заявили, что нам нужно оставаться на своем посту. Так как сегодня был канун праздника и укороченный до 2 ч. дня рабочий день, то я поспешил в корректорскую за телеграммами, чтоб хоть их сдать в набор. Я застал Иванова в шубе и шапке уходящим и сказал ему о своих разговорах с рабочими. Он отнесся к этому скептически. Когда я взял телеграммы, то они оказались не дешифрованными - Рыбкин не выполнил этой работы, покидая редакцию; Иванов пробовал убедить меня, что в телеграммах нет ничего интересного. «Дадим, что есть», - ответил я ему и заявил, что займусь дешифровкой. Тогда и он принялся, страшно нервничая, за эту работу и повторил мне предупреждение ему и Рыбкину, чтобы они скорее уходили, так как скоро к нам явятся «красные». Как бы то ни было, телеграммы были исправлены и переданы в набор. Иванов ушел, забыв захватить с собой кой-какие документы, которые должен был унести. В 2 ч. ушел и я, передав для набора весь материал, каким располагал.

Нервное, растерянное состояние распространилось и на меня, особенно после рассказов в редакции о какой-то стрельбе около Дома науки накануне в 10 часов вечера, где были убитые и

раненые, и после того как часов около 12-ти по Почтамтской проехал автомобиль с красным флагом, с речами ораторов на остановках, и после того, как какой-то конный отряд с винтовками за плечами, с красными значками на груди продефилировал мимо нас по Дворянской. В это время можно было видеть кучки собиравшихся на улицах людей, что-то обсуждавших и вглядывавшихся или устремлявшихся в сторону Почтамтской. Так я ушел домой своим обычным путем, встречая в разных местах кучки людей... Часа в 3 1/2 мне позвонил управляющий типографией, что набор номера закончен, но что ни одного корректора нет и что указанного мной корректора не оказалось и дома. Тогда я предложил немедленно послать мне оттиски набора с тем, что я продержу корректуру и размечу номер. Этого, однако, не было исполнено, как оказалось, корректора потом нашли дома. Часов около 4 мне позвонил председатель Думы и председ. Комитета общ. безопасн. и порядка А.С. Зеленин и передал просьбу выпустить завтра номер и напечатать постановление Комитета о передаче власти Военно-революц. Комитету. Я заявил о готовности исполнить желание, но просил гарантировать мне безопасность работы в редакции и согласие рабочих остаться на ночные работы. А.С. Зеленин пообещал мне переговорить об этом со своими товарищами и о результате сообщить по телефону. Прошло около часу, как И.А. Иванов заявил мне по телефону, что он пойдет в редакцию выпускать номер ввиду приглашения его для этого рабочими. Часам к 8 веч. он благополучно закончил эту работу, а от Зеленина ответа я так и не получил. Иванов же передал мне, что у нас появилось новое начальство - в качестве «комиссара печати» - наборщик Семухин, а в качестве комиссара типографии - Шаламов. Позднее он сообщил мне, что Семухин заставил сострогать из стереотипа объявление военно-революц. трибунала. Возвращаясь в третьем часу дня из редакции, я слышал в разных местах одиночные выстрелы.

Вернувшись из университетской церкви, где она пела всеобщую, моя дочь сообщила, что от клиник к присутственным местам стоит цепь вооруженных, делавших ей замечания на очень позднее хождение и предлагавших проводить (от чего она отказалась). Губернаторский дом был сплошь освещен. Над входом красовалась старая вывеска с надписью «Дом Свободы», откуда-то вытасченная и украшенная красными флажками, а на крыльце стоял человек с красным флагом. В «Доме Свободы» шло заседание «военно-революционного комитета», и продолжалось оно до утра - в этот вечер электричество горело до 8 часов утра - сверх обычного прекращения тока к 12 часам.

## 19 ДЕКАБРЯ

С утра опять тихо и довольно пустынно на улицах. Мне номера газеты не принесли, но другие исправно утром его получили, даже не надеясь на выход. Часов в 11 1/2 меня уведомили из редакции, что в нашей типографии набирается номер «Знамя революции», что Шаламов предъявил ордер «Военно-революц. штаба» на это действие и что кроме наших наборщиков он привел рабочих из других типографий. Заказано 5000 экз., цена газеты 90 руб. в м-ц, цена объявлений на 1-й стр. 8 р., на последней 6 р. за строку непарели, за отд. номер в продаже 2 р. Это обозначало конец нашему изданию, хотя никакой реквизиции не производилось, а о поведении Шаламова говорили как о вполне корректном. Пользуясь праздничным днем, я пошел навестить Гр.Н.Потанина в госпитальную клинику, куда он переведен от Гатт-ра 12/ХИ. Он очень слаб. Улучшения, говорит, нет, все слабеет и думает, что не встанет. Голова, говорит, не работает, «я теперь неинтересный, скучный, не отзываюсь на происходящее». Газету ему уже не читают - ему трудно слушать и усваивать. Он больше лежит, оч. мало сидит - утомляется, ходить не может. Без посторонней помощи не пьет, не совершает отправлений. Появилась, говорит, при мочеиспускании резь, вставляли катетер... беспомощность, одиночество и это лечение без какой-либо определенности болезни ему тягостно, он передумывает, перебирает в памяти прошлое и что-нибудь не может вспомнить, и это забытое мучит его и стоит перед ним в виде навязчивой идеи. Он признался мне, например, что он мучится припоминанием названий двух групп - из

четырёх островов в Индийском океане, названия двух групп он вспомнил, а названия других двух не может вспомнить и просил меня справиться... Я просидел у него около 1 1/2-2 часов. Уходя, спросил его няню, насколько он за неделю пребывания в клинике изменился; девушка уклонилась прямо ответить, сославшись на то, что он тут недавно, но все-таки сказала, что он «тает». Таково и мое впечатление. Организм заметно разрушается, и духовные силы до самого последнего времени еще побеждавшие физические немощи, ему изменили. На переднем и обратном пути к клиникам я встречал разъезжавших в кошевках красноармейцев с винтовками, видел на Садовой и какой-то пеший отряд с красным флагом, встречал группы город. самоохраны с винтовками, слышал неистовые крики у «Дома Свободы» - видимо, то были приветствия ораторам.

## **20 ДЕКАБРЯ**

Несмотря на протесты домашних, на требование их не выходить из дому, я пошел около 10 ч. утра в редакцию. Я успокоил их заявлением, что необходимо получить продукты из «продуча» (муку, мясо, овес, сахар), а также справиться в прод. управ, когда можно наконец получить по оплаченному ордеру (слово неразборчиво). Эти справки я сделал, муку получил и принес на себе в редакцию (1 п.32 ф.). Здесь никого из сотрудников не застал, но тотчас же стало ясно, что номер надо выпустить. Послал записку П.А. Рыбкину с приглашением его в редакцию к исполнению обязанностей, послал и к И.А. Иванову приглашение, а затем сдал в набор что было готового, сделал «отклики». Пришедший Иванов нервничал, кричал, возражал против выпуска газеты в неудовл. виде, говоря, что не можем же мы наполнять номера некрологами и т.п. истерическими суждениями. Часа в 2 1/4 все разошлись, а я решил оставаться в редакции так как на 4 1/2 ч. было назначено соединен. собрание Правления и ред. К-та по вопросу о продолжении издания газеты. Кой-как скоротал я время, читая корректуры и «Знамя революции». В 3 1/2 ч. при вызове по телефону управл. типографией, станция ответила, что она «не работает». В нашем помещении шли рассказы о циркулировавших слухах - об арестах, столкновениях, переходах на сторону красных. Достоверным было известие, что убит стоявший во главе добровольческой организации полк. Герасимов. Говорили б аресте ген. Пепеляева, об аресте его штаба, но это не было достоверным. Около пяти часов вечера состоялось наше заседание в весьма не полном составе, собралось всего 7 чел., т.е. менее половины. К 6 час. заседание кончили, решив прекратить временно издание «Сиб. Жизни» при невозможности продолжать его при создавшихся условиях, предложив передать конторский и экспедиционный аппарат, за ненадобностью, ред. «Знамя революции». Тернер при этом сообщил, что в Военно-рев. К-те будто бы уже назрело решение прекратить издание «Сиб. Жизни». Это совпало с общим решением сотрудников, которые считали небезопасным для себя самое пребывание в редакции. В седьмом часу мы разошлись, оставив И.А. Иванова для выпуска полулиствого номера, но, конечно, все скомкает, чтобы поспешить уходом из редакции. Подличает неврастеник и истерик! На улицах тихо и пустынно весь день. Говорят, что только около «Дома Свободы» толпятся люди и гомонят. Дома у меня обрадовались приходу моему, а еще более тому, что я не буду больше ходить в редакцию. Электричество и сегодня горело всю ночь до утра. Весь день сегодня мороз 26 градусов.

## **21 ДЕКАБРЯ**

Сегодня воскресенье. С утра мороз 20 градусов. Днем было 18, а вечером даже 17, но ветер. Принесли номер «Сиб. Жизни» -последний, в виде довольно жалкого полулиста. Теперь я свободный от обязательной и тяжелой работы «гражданин», но обреченный на полуголодное существование. Нестерпимо тяжело. Как жить? У меня в семье как-то не думают, не задумываются над этим вопросом, как-то стереотипно повторяют фразу, что все равно умирать придется, так и не стоит ни о чем думать. И действительно, она, например, заработала сегодня на похоронах 200 руб.

Как? Ушла она в церковь петь в 9 ч. утра и вернулась в 6 1/2 вечера простуженная - ходила из университетской церкви провожать в качестве певчей покойника на Вознесенское кладбище - это верст пять по морозу, в худых валенках, из которых высовываются пальцы. С утра и до вечера у нас идет чаепитие, и еда, как встарь, без изменений. Об экономии в нашей семье нельзя заикнуться - это всем противно, никаких расчетов никто не желает вести и только обругают. У нас ежедневно народ, всех угощают, кормят, заставляют есть. По неделям у нас гостили и кормились чехи. А теперь вот зять еще перебрался с дочерью и ребенком, которых водворяли у нас в надежде, что ему самому придется уехать, но он не уехал, остался и без средств, без надежды иметь их. Я за полмесяца только деньгами передал Анюте 125 тысяч, израсходовав сверх того на припасы и проч. около 2 тысяч руб.; но все мои получения в будущем кончились - я нищий. Заработки дочерей незначительны. У нас как-то об этом не желают и думать, не то что слушать разговоры на такие темы. Какая жалкая и вместе с тем страшная старость! Пошел навестить Пр. Ал. Львову - она живет у С.В. Бражниковой. Ютятся в одной комнате, в большой тесноте, неудобно. Питаются слухами, живут в тревоге обе за своих близких. Рассказывают, что семья Гаттенбергов уехала из Томска-I в Тайгу, там жила неделю, ожидая поезда В.Н. Пепеляева, который должен был их прицепить и увезти. Дальше только слышала, что они доехали до Красноярска, но достоверного ничего о них не знает. Просидев у них два часа, пошел к Шипицыным - навестить их и узнать о долгах Гр. Ник.-а, чтоб расплатиться. Ал. Ник-ч болеет плевритом, жестоко кашляет, хотя не лежит. На почве его старости болезнь протекает тяжело, но он время своего сидения использовал - подбирает сохранившийся у него ценный материал по Томскому город, самоуправлению, вместе с разн. книгами, сюда относящимися, для передачи «Институту исследов. Сибири», полагая, что при нем должен быть образован отдел по город. самоуправлению. Все это хочет пожертвовать Институту. Я, конечно, одобрил его намерение. Видимо, и А.Н. готовится к смерти.

Списка долгов Гр. Н.-ча Марья Ив-на не смогла найти и обещала это сделать потом. Она рассказала о том, что у них произошло вчера. Около 8-9 ч. вечера в Томск прибыли красноармейцы, в числе 1-3 тысяч челов. (разно исчисляют), откуда с Ялуторовского фронта, три месяца назад мобилизованных. Их распорядились расквартировать у «граждан», т.к. в казармах нет дров, там холодно. Вся Дворянская улица, вероятно, и некоторые другие - была назначена под расквартирование приезжих. И вот около 9 ч. вечера к Шипицыным стали стучать, требуя отворить дверь, человек 15. Они матерно ругались, угрожая на отказ М. Ив. отворить дверь взломать двери и окна и стрелять из пулемета. Марья Ив-на через дверь убеждала их искать более просторное помещение, не трогая ее, «бабу», живущую в тесном помещении, где к тому же двое больных. Красноармейцы ушли, не приводя угроз в исполнение. Они разместились у других семей, живущих во дворе, но утром на кухню к Шипицыным все таки были поставлены двое красноармейцев, оказавшиеся недурными людьми, с которыми можно ладить.

Уже смеркалось, было половина пятого, и я поспешил домой. Дорогой опять встречал людей в военной форме, ехавших и пеших. Днем на Почтамтской было, говорят, большое движение народа в серых шинелях и с винтовками преимущественно.

Сегодня с утра телефон был изъят из пользования абонентов - так распорядился «военревком». Вечер провел дома. Тяжесть положения усугубляется полной неизвестностью о том, что делается на свете, - мы ото всего отрезаны.

## **22 ДЕКАБРЯ**

С раннего утра и в нашем районе начали размещаться прибывшие ночью красноармейцы - одни самовольно, другие по приказу вчера вечером рев. штаба. Идя в 8 ч. утра на сенной и дровяной базар, я видел, как у дома Суховых на Александровской улице был водружен красный флаг какого-то штаба 26 стрелков. полка (с пятиконечной звездой) и въезжали 4-5 подвод; в это время

водружался у ворот соседнего дома Баумгартена красный флаг с надписью белыми буквами «Р.С.Ф.С.Р.» и пятиконечной звездой и стояли у ворот 4 подводы. На углу Торговой и Александровской ходил часовой с винтовкой и подтягивались к воротам подводы; часовой говорил, что они приехали за 40 в. из села (кажется, Калтая - он не помнит), в 1 час дня вчера они оттуда выехали и в 1 час ночи приехали. У «Дома Свободы» бродило с полсотни исхудалых лошадей, подбиравших раструженное сено, лошади разбегались, как их ни пытались не пускать и завернуть верховые. Всюду встречались солдаты в одиночку, по двое и группами, с винтовками и без них. Партикулярной публики было мало, но встречавшиеся иные, типичные на вид «буржуи», были украшены красными лоскуточками в петлицах меховых пальто, видимо, в целях предосторожности. На базаре было пусто - ни одного воза сена и десятков возов дров. Что было - расхватывалось; другие еще подвозили, назначая по 600 руб. за возик плохих дров и по «полторы бумаги» (т.е. 1 1/2 тысячи) за воз сена, скошенного осенью, вместе с опавшим листом; я предлагал 1000 руб. - не отдали. У Тороповых в 5 ч. утра самовольно водворились 7 красноармейцев, сильно перемерзших. Они привезли муку и просили испечь им хлеб.

*Опубликовано: Краеведческий альманах «Сибирская старина» № 6. 1994 г. С.31-33.*